

Смородина Клавдия Петровна

Балаган на болоте

Я родилась 24 сентября 1924 года в селе Марьевка Чапаевского района Куйбышевской области. Мой отец, Смородин Петр Николаевич, был крестьянином, мать, Мария Андреевна, – домохозяйкой. В семье у нас было 5 детей: Анастасия (1918 г.р., от первого брака отца), Николай (1922 г.р.), Анна (1929 г.р.), Александра (1931 г.р.) и я.

К 1930 году семья отстроила большой, с 12 окнами, дом. Он был даже под железной крышей, что было большой редкостью в то время. В доме стояла своя шерстобитная (чесальная) машина. Во дворе – постройки, скотина. Я ходила в школу. Учились в поповском доме все вместе: и первый, и второй, и третий, и четвертый классы.

В 1931 году отца забрали в тюрьму Чапаевска, а нас выгнали из дома, не дав взять даже самое необходимое¹. Нас пустил к себе сосед Логвинов, но не в дом, а в овчарню. Там, со скотом вперемешку, мы и жили. А в это время наш дом сломали – разобрали по бревнышкам. А ведь вполне могли оставить и открыть в нем, например, школу или больницу – такой он был большой и крепкий. Из бревен жгли костры, приговаривая, что сжигают эксплуататорский дом.

Почему отец вдруг стал эксплуататором? У отца умерли какие-то дальние родственники, и он взял в нашу семью их сына. Конечно, тот помогал отцу во всем. Вот, как эксплуататора сироты отца и лишили дома. В конце мая 1933 года кто-то из властей пришел к нам и сказал, чтобы мы собирались и брали больше теплых вещей. Что повезут нас на Север. Я помню тулуп и две шубы, а больше ничего и не было. Погрузили нас на телегу и привезли на вокзал Чапаевска. Туда же пригнали строем заключенных – целую колонну кулаков. Выкликали каждого по списку, и таким образом мы воссоединились с отцом.

Я очень хорошо помню тот вагон: дети – на верхних нарах, взрослые – внизу. На станциях давали хлеб и кипяток. Привезли через 3 дня в Томск, сгрузили на станции, рассадили всех на машины и повезли в лагерь. Лагерь палаточный. Палатки были огромной длины. Посередине – стол и скамейки от начала и до конца, нары широкие и перегороженные – по краям. В этом палаточном лагере мы были все лето. К осени нас повезли к реке Игарка². Погрузили в большие лодки по 3–4 семьи, 4 пары весел. Лодок было около двадцати.

Плыли недели три. По дороге на стоянках палатки были для каждой семьи и выдавали хлеб. В это время шли дожди. Помню даже два больших водопада. В некоторых местах лодки нужно было тащить через камни, тогда всех выгружали, а после загружали обратно. Так мы приплыли в село Болотное, «Болотовка» по-местному. Метров 50 шел черемушник, а дальше тайга метров 50, а дальше – болото и гарь. Жуткая гарь, все вперемешку: и горелые деревья, и целые – заросший непроходимый лес. День дали нам отдохнуть, выдали пилу и два топора на семью и послали расчищать эту гарь. На хороших шестиметровых бревнах обрубали сучья и распиливали их.

¹ Комментарий Е.Н. Савельевой:- Моя мама, Разумова Антонина Григорьевна (1931 г.р.), дочь Анастасии, старшей сестры Клавдии Петровны, помнит, как к деду в дом пришли люди, забирая все вещи, как подошли к матери, на руках которого была она, и с её головы сорвали чепчик. Осталось в памяти навсегда именно это-

² Ошибка. Вероятно, автор имела в виду реку Шегарку, приток р. Обь.

На этой гари каждой семье дали участок 12 соток, а там сплошное болото. Семей всего было около сорока. Помню две семьи из Астрахани – Афанасьевы и Абариновы. Остальные же все забайкальцы (так они себя называли). Курили они много.

Родители начали делать «балаган». Знаете, что это такое? Прорыли траншею по обе стороны, накрыли шалашиком, сверху стволами деревьев, корой березы застлали, травой, потом накидали землю. Спереди сделали ступеньки и проход, как дверцу. Дерюжкой проем этот закрыли. Не называли это сооружение шалашом, хотя по сути, конечно, он. «Балаган» ему дали название. Балаган на болоте.

Родители спали по одну сторону, мы – по другую. У нас была очень больна младшая сестра Шурочка. Больна с рождения, не ходила, лежала. В Болотовке умерла она.

Родители ходили на работу, делали «слань» – настил по болоту. Полтора километра идет топь, по ней сцепкой клали бревно к бревну. Кочка на болоте – хорошо, нет – сцепкой бревен выстилали.

В шалаше-балагане мы прожили до холодов. А потом родители выкопали землянку. Яму в рост человека, ступеньки вниз. Два венца из бревен, кругляш рядом. Берестой покрыли, толстым слоем травы и земли присыпали. Даже одно небольшое окошко было. И печка была. Кирпича нет – откуда взять-то. Но когда рыли яму, всю глину ссыпали отдельно, вот ее и использовали. Помню, как печку деревянными молотками сбивали в землянке. Мой отец очень рукастый был. В этой землянке прожили целых 3 года. В Сибири... А потом перевели нас в Богатыревку. Там дом был на две семьи. Две сторожевые будки с двух сторон. Проволока по периметру. Комендатура была, прямо через дорогу. Отмечаться ходили сначала... А потом уже и не отмечались. Они и так нас видели каждый день. Медпункта у нас не было. Ближайший был в Панычево, 7 километров пешком. Как-то у меня ухо заболело, но матерщинник и гад комендант не дал пропуск. Ухо нарывало, гноилось, боль страшная. Пошли с мамой к нему, а он и говорит: «Сдохнете вы, а она останется и будет мстить за вас». Отец тогда вылечил меня. Натопили баню в поселке, пропарили меня, надели отцовскую шапку, постелили спать на печке. Боль прошла, а ухо не спасли. Оглохла я на это ухо... На новом месте папа работал на молотилке, мама – на полевых работах. Хлеб жали серпом вручную. Очень нам там помогли старообрядцы-кержаки. Дед Шипулин из села Суйга. Рыжий такой... Если б не он... Подсказал нам, как картошку сохранять. На семена – только глазки выковыривать, да в золе сберегать. И эти вот самые глазки мы весной сажали и были с картошкой. Спасибо ему. Говорил: «Петро, отелится телочка – отдам вам». Зимой телочка отелилась – он привел ее к нам. Рядом с дверью нашего дома вкопали столбы, соломы положили, сделали ей «коровник». Получились и сенцы, и коровник. В Богатыревке была школа. За школой была площадка, где собирали всех учеников. У нас были замечательные директор школы Яков Гаврилович Богатырев и завуч Александр Степанович Щербаков. В Богатыревке я опять пошла в первый класс. Ходили в школу пешком. Зимой по сплошному льду, летом по болоту. Там я закончила семилетку. Брата Николая отправили в Прокопьевск Кемеровской области в горный техникум учиться на маркшейдера. День учится, а ночью вагоны разгружает. Год так промучился, бросил учиться. Самостоятельно уехал в Марьевку. Сбежал. Старшие девчонки уезжали домработницами в Томск. А меня не пустили... Научили косить. Вместе с бабами ходила на полевые работы. В бригаде 3 женщины. Становились в звено и косили траву на силос, закладывали его на зиму. Пели очень хорошо. Пели... Когда и по колени в воде весь день. Вот и заработала болезни суставов на всю жизнь...

Когда мне 15 лет было, зимой я работала на заводе. Семь километров через Болотовку и слань в тайге. Стратегический завод. Пихту обрабатывали. Гнали масло из хвои. Закрытые деревянные

чаны, облицованные железом, паровой котел. Там работать можно было только зимой – кругом же болото... Оно промерзало, и можно было проходить.

7 ноября 1941 года в 6 утра умер отец. После операции на желудке отправили его из больницы домой. Дорог не было. Брат Николай выучился на тракториста. Когда война началась, поставили в линейку трактора на полевом стане, в военкомат – и добровольцем на фронт.

В начале войны нас послали на лесозаготовки. 400 граммов хлеба на день – и все. А хлеб коричневый, такой сырой, что куснешь – и зубы остаются на нем. Есть было совсем нечего. Ну, мы с Шурой Воробьевой и сбежали. В наказание за побег меня отправили на курсы трактористов. Так я и начала работать на тракторе. Сначала на колесном, потом на гусеничном. С 1941 по 1953 год. Работаю на комбайне – слышу гул... такой гул стоял. Ничего понять не могу. Побежала по селу – Победа!!!

В 1954 году нас освободили. Митинг был на площади. Трибуна... А была ли радость или какие-то эмоции, я не помню. 21 год прошел, как сослали нашу семью...

После освобождения мы переехали в Бакчар. У нас был знакомый – сосланный из поселка Безенчук Куйбышевской области Иван Афанасьевич Дрей, механик. Он помог нам с переездом в Бакчар. Купили там домик. В колхозе же платили 20–30 копеек на трудодень, а в МТС – деньги и еще и хлеб давали. Я сдавала по 1,5– 2 тонны намолоченного зерна. По таблице как-то вычисляли...

Николай после окончания войны переехал в Куйбышев. Приехал в Бакчар к нам и забрал сестру Анну к себе. Договорились, что вся семья соединится в Безенчуке.

19 июня 1960 года рано утром я вместе с мамой и дочерью Ниной (1955 г.р.) приехали в Безенчук. Чемодан с продуктами и две швейные машинки – вот и все наши вещи. Поселились у старшей сестры Анастасии. А осенью купили мазанку из одной комнаты. Я устроилась в хлебопекарню. Числилась уборщицей, а сама и убирала, и дрожжи на хмелю варила, и мешки с мукой возила на тележке со склада. По самую крышу мешки с мукой... Дослужилась до мастера. Пока не упала без сознания, вынимая хлеб из печки.

С 1964 по 1979 год работала на госпредприятии «Сельхозтехника», сначала на картотеке, потом товароведом. Никто в Безенчуке и не знал, что я ссыльно -переселенка. Вот такая она, моя жизнь...